

Формирование новой архитектуры местного самоуправления как фактор устойчивости пространственного регионального развития Российской Федерации

Екатерина Владимировна Евлампиева

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Пушкин, Санкт-Петербург, Россия, katrinns@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7597-3233>

Аннотация

Цель. Выявить особенности формирования новой архитектуры местного самоуправления как ключевого фактора устойчивого пространственного регионального развития Российской Федерации.

Задачи. Проанализировать пространственные, экономические и социальные основания формы местного самоуправления, включая систему опорных населенных пунктов, консолидацию муниципальных образований и перераспределение полномочий; оценить влияние новой архитектуры местного самоуправления на территориальную связанность и устойчивость регионального развития, с учетом рисков централизации и периферизации малых территорий; сформулировать направления совершенствования муниципальной и региональной политики, обеспечивающие баланс между централизацией и subsidiarностью в интересах устойчивого пространственного развития.

Методология. В качестве ключевой методологической основы в исследовании использованы институциональный, пространственный и социально-экономический подходы.

Результаты. Автором представлена новая архитектура местного самоуправления, ориентированная на консолидацию муниципальных образований и расширение роли субъектов Федерации. Обосновано, что данная архитектура институционально является частью политики пространственного развития через систему опорных населенных пунктов и стратегическое планирование, формируя новый каркас территорий. Показано, что устойчивость пространственного регионального развития зависит от того, насколько муниципальная реформа сочетается с механизмами территориального выравнивания, поддержкой локальной субъектности и дифференцированным подходом к типам муниципальных образований.

Выводы. Формирование новой архитектуры местного самоуправления в Российской Федерации может стать важным фактором устойчивости пространственного регионального развития лишь при условии достижения баланса между централизацией и subsidiarностью, укрупнением муниципальной системы и сохранением доступности власти для населения. Муниципальная реформа усиливает управленческую и финансовую связанность муниципального и регионального уровней, но одновременно повышает требования к качеству региональной политики, которая должна компенсировать риски периферизации и ослабления местных сообществ. Интеграция муниципальной реформы с инструментами пространственного планирования, национальными проектами и развитием форм локального участия рассматривается как ключевое условие превращения новой архитектуры местного самоуправления в устойчивый институциональный каркас регионального развития.

Ключевые слова: местное самоуправление, новая архитектура местного самоуправления, пространственное развитие, устойчивость, муниципальная реформа, стратегическое планирование, региональная экономика

Для цитирования: Евлампиева Е. В. Формирование новой архитектуры местного самоуправления как фактор устойчивости пространственного регионального развития Российской Федерации // *Экономика и управление*. 2026. Т. 32. № 7. С. 855–866. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2026-7-855-866>

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Новая архитектура местного самоуправления в условиях стратегического планирования пространственного развития региона» (конкурс на соискание именных научных стипендий губернатора Ленинградской области в 2025 г.) при поддержке Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области.

Formation of a new architecture of local self-government as a factor in the sustainability of spatial regional development in Russia

Ekaterina V. Evlampieva

Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia, katrinns@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7597-3233>

Abstract

Aim. To identify the specific features of the formation of a new architecture of local self-government as a key factor in sustainable spatial regional development in Russia.

Objectives. To analyze the spatial, economic, and social foundations of the local self-government reform, including the system of anchor settlements, the consolidation of municipalities, and the redistribution of powers; to assess the impact of the new architecture of local self-government on territorial connectivity and the sustainability of regional development, taking into account the risks of centralization and peripheralization of small territories; to formulate directions for improving municipal and regional policy that ensure a balance between centralization and subsidiarity in the interests of sustainable spatial development.

Methods. The key methodological foundations of the study are institutional, spatial, and socio-economic approaches.

Results. We present a new architecture of local self-government oriented toward the consolidation of municipalities and the expansion of the role of the constituent entities of the Federation. The study substantiates that this architecture is institutionally part of spatial development policy through the system of anchor settlements and strategic planning, thereby shaping a new framework for territories. It is shown that the sustainability of spatial regional development depends on the extent to which the municipal reform is combined with mechanisms of territorial equalization, support for local agency, and a differentiated approach to types of municipalities.

Conclusions. The formation of a new architecture of local self-government in Russia can become an important factor in the sustainability of spatial regional development only if a balance is achieved between centralization and subsidiarity, between the enlargement of the municipal system and the preservation of accessible governance for the population. The municipal reform strengthens the administrative and financial connectivity between the municipal and regional levels, but at the same time raises the requirements for the quality of regional policy, which must compensate for the risks of peripheralization and the weakening of local communities. The integration of municipal reform with spatial planning tools, national projects, and the development of forms of local participation is seen as a key condition for transforming the new architecture of local self-government into a sustainable institutional framework for regional development.

Keywords: *local self-government, new architecture of local self-government, spatial development, sustainability, municipal reform, strategic planning, regional economy*

For citation: Evlampieva E.V. Formation of a new architecture of local self-government as a factor in the sustainability of spatial regional development in Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2026;32(7):855-866. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2026-7-855-866>

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the project “New architecture of local self-government in the context of strategic planning of regional spatial development” (competition for the Governor of the Leningrad Region’s named research scholarships in 2025) with the support of the Committee for Economic Development and Investment Activities of the Leningrad Region.

Введение

Проблематика местного самоуправления в современной России переживает этап качественного переосмысления, связанный не только с очередными изменениями законодательства, но и с трансформацией места муниципального уровня в системе управления страной. Если в предшествующий период доминировала модель, в которой местное самоуправление рассматривалось преимущественно как относительно автономная форма самоорганизации населения по решению вопросов местного значения, то в середине 2020-х гг. на первый план вышло представление о местном самоуправлении как элементе единой системы публичной власти, действующем в постоянной координации с федеральным и региональным уровнями. Эта институциональная эволюция получила нормативное оформление в Федеральном законе № 33-ФЗ от 20 марта 2025 г.¹, завершившем длительный этап переосмысления конституционной модели муниципальной власти.

Одновременно в стране формируется новая пространственная государственная политика. Утверждение Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года² (далее — Стратегия) зафиксировало переход от преимущественно декларативного понимания территориального развития к более прикладной модели, основанной на системе опорных населенных пунктов, агломераций, геостратегических территорий и инфраструктурных каркасов. Это означает, что пространство страны становится самостоятельным объектом стратегического управления, в котором муниципальный уровень играет роль важнейшего посредника между общегосударственными целями и локальными практиками развития [1]. Реформа местного самоуправления и обновление политики пространственного развития стали взаимосвязанными процессами в Российском государстве.

Для региональной экономики эта взаимосвязь принципиальна, поскольку муниципальный уровень является базовой ячейкой пространственного воспроизводства экономики, социальной инфраструктуры и человеческого капитала. Именно на уровне муниципального образования концентрируются результаты инвестиционной, транспортной, жилищной, социальной и экологической политики, а также проявляются эффекты территориальной дифференциации, агломерации и периферийности. Поэтому новая архитектура местного самоуправления должна оцениваться не только как административно-правовая трансформация, но и как фактор устойчивости/неустойчивости пространственного развития регионов.

В этих условиях особую актуальность приобретает понятие «новая архитектура местного самоуправления»³. Оно используется как в экспертной, так и в научной среде для обозначения совокупности институциональных, территориальных, функциональных и политико-правовых изменений, происходящих в системе муниципального управления России [1]. Однако данное понятие еще не обладает окончательно устоявшимся содержанием, что требует его теоретического уточнения и увязки с современными задачами пространственного развития Российской Федерации.

Актуальность темы определяется тем, что реформа местного самоуправления вступила в стадию практической реализации в субъектах Федерации, это делает необходимым не только описание ее нормативных оснований, но и осмысление ее пространственных последствий в контексте устойчивого развития как одной из национальных целей [2]. Также новая Стратегия и связанные с ней национальные проекты формируют спрос на такой муниципальный уровень, который не просто наделяется полномочиями и получает трансферты, но становится полноценным участником территориального развития. Высокая неоднородность россий-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023?ysclid=mp58esgf7p807875176> (дата обращения: 15.05.2026).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501060001> (дата обращения: 15.05.2026).

³ Муниципальная реформа 2025: новая архитектура местного самоуправления в России // Ведомости. 2025. 2 июля. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/07/02/munitsipalnaya-reforma-2025-novaya-arhitektura-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii (дата обращения: 18.05.2026).

ских территорий предполагает, что новая архитектура местного самоуправления не может быть понята как единообразная схема: она должна рассматриваться как гибкая система, адаптирующаяся к агломерационным, сельским, арктическим, приграничным и иным типам пространств [3]. В таких условиях особую значимость приобретает вопрос, способствует новая архитектура местного самоуправления устойчивости пространственного регионального развития или, напротив, усиливает риски территориальной поляризации и ослабления местных сообществ.

Проблемы развития местного самоуправления, его встраивания в единую систему публичной власти и влияния на устойчивое региональное экономическое развитие активно обсуждаются в современной отечественной литературе. Ряд исследователей [2] отмечают, что местное самоуправление утрачивает прежнюю автономию и все более выступает элементом единого механизма публичной власти, что требует переосмысления соотношения прав и ответственности муниципального и регионального уровней. Е. И. Волкова и Е. А. Хапсирокова [4] акцентируют внимание на институциональном оформлении интеграции, рассматривая местное самоуправление как звено в реализации публичной власти, а не как параллельную систему, что задает рамку для оценки новой архитектуры местного самоуправления. Е. В. Кискин [5], анализируя новый закон о местном самоуправлении с позиций факторного подхода, приходит к выводу, что он отражает именно стратегию (то есть консолидацию муниципальных образований, расширение дискреции субъектов Российской Федерации в распределении компетенций муниципального уровня власти и переход к преимущественно одноуровневой модели), серьезно меняющую роль муниципалитетов в управлении территориальным развитием.

Экономический и управленческий аспекты реформы раскрываются в работах Е. М. Бухвальда и его соавторов [1; 6; 7]. При исследовании муниципальной реформы и роли муниципалитетов в пространственном развитии регионов подчеркивается, что устойчивость регионального развития невозможна без финансово состоятельного и стратегически ориентированного муниципального уровня, способного участвовать в формировании территориальной экономи-

ки и реализации крупных проектов. В совместных работах с Д. Н. Лапаевым [3] Е. М. Бухвальд делает особый акцент на муниципальном стратегировании: стратегические документы и программы развития трактуются как ключевой инструмент адаптации укрупненных муниципальных образований к новым условиям, а также как механизм согласования интересов региональной и местной власти.

Проблематика развития и устойчивости регионального пространства раскрывается в работах, посвященных изменениям расселения и новым инструментам пространственной политики. А. В. Короленко [8] анализирует пространственные трансформации территорий России и региональные различия расселения, показывая, что процессы агломерации, депопуляции периферии и изменения плотности населения задают принципиальные ограничения для выбора моделей местного самоуправления.

В совокупности все эти работы формируют теоретическую основу для рассмотрения новой архитектуры местного самоуправления как фактора устойчивости пространственного регионального развития.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют институциональный, социально-экономический и пространственный подходы. Институциональный подход позволяет рассматривать местное самоуправление как совокупность формально закрепленных норм, полномочий, процедур и механизмов взаимодействия между уровнями публичной власти. Пространственный подход ориентирует анализ на территориальную дифференциацию муниципальных образований, определение роли агломераций, опорных населенных пунктов и периферийных зон в воспроизводстве регионального хозяйства. Социально-экономический подход раскрывает зависимость устойчивости муниципальной системы от качества локальной экономики, состояния бюджетной базы, уровня социального капитала и активности населения. Используются методы анализа нормативных правовых актов, систематизации научной литературы, а также обобщения практики российских регионов, демонстрирующих различные модели адаптации к новой муниципальной архитектуре. Такое сочетание методов позволяет рассматривать

ее одновременно как институт публичного управления и как пространственный механизм развития территорий.

Результаты исследования

Понятие «архитектура» в общественных науках традиционно применяется для описания устойчивой конструкции, включающей элементы, связи между ними, принципы их организации и правила функционирования¹. В этом смысле архитектура местного самоуправления означает не отдельный институт и совокупность органов муниципальной власти, а целостную конфигурацию территориального устройства, распределения полномочий, механизмов ответственности, участия населения и взаимодействия с иными уровнями публичной власти [9]. Следовательно, когда речь идет о новой архитектуре местного самоуправления, имеется в виду не точечная модернизация отдельных норм, а изменение всей модели муниципального управления в структурном и функциональном измерениях.

В российской практике формирование предшествующей архитектуры местного самоуправления регламентировалось в основном Федеральным законом № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г.², который закрепил двухуровневую систему муниципальной организации, широкую типологию муниципальных образований и особое понимание местного самоуправления как уровня публичности, отделенного от государственной власти. Эта модель сыграла важную роль в институционализации муниципального уровня в постсоветский период, однако к середине 2020-х гг. проявились ее существенные ограничения [10]. К их числу относились дублирование функций между поселениями и районами, слабая финансовая обеспеченность значительной части сельских поселений, кадровый дефицит, неравномерность качества муниципальных услуг и трудности согласования локальных решений с задачами регионального и национального развития [10; 11].

Новая архитектура местного самоуправления формируется на основе иных исходных принципов. В центре новой модели — идея единства публичной власти, означающая, что муниципальный уровень не исключается из общего механизма государственного управления, а встраивается в него как самостоятельный, но координируемый элемент [1; 12]. Это не отменяет местной специфики и самостоятельности муниципальных образований, однако существенно модифицирует способ понимания их роли: от автономной локальной самоорганизации к институционально встроенному уровню управления территориальным развитием [12; 13].

Таким образом, понятие «новая архитектура местного самоуправления» предварительно может быть определено как новая институционально-территориальная модель организации муниципального уровня, основанная на включении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, укрупнении муниципальных образований, перераспределении полномочий, усилении стратегической координации и адаптации муниципального управления к задачам пространственного развития страны. Это определение требует дальнейшего уточнения через анализ нормативных и пространственных аспектов реформы.

Ключевым правовым основанием новой архитектуры стал Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³, закрепивший местное самоуправление как неотъемлемый элемент единой системы публичной власти в Российской Федерации.

Одним из наиболее заметных проявлений новой архитектуры стало упрощение территориальной модели муниципального устройства. Закон № 33-ФЗ устанавливает три основных вида муниципальных образований: городской округ, муниципальный округ и внутригородские муниципальные образования городов федерального значения. Тем самым сокращается сложность

¹ Строительство на благо будущего — на пути к устойчивой архитектуре // Курьер. 2024. № 1. Январь–март. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388425_rus (дата обращения: 18.05.2026).

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574&intelsearch=%F4%E7+131&ysclid=mp5bdkiw8c207559772> (дата обращения: 18.05.2026).

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023?ysclid=mp58esgf7p807875176> (дата обращения: 15.05.2026).

**Концептуальные характеристики новой архитектуры местного самоуправления
в контексте устойчивого развития**

Table 1. Conceptual characteristics of the new architecture of local self-government
in the context of sustainable development

Элемент анализа	Содержание
Понятие «архитектура МСУ»	Понимается как целостная конфигурация территориального устройства, распределения полномочий, механизмов ответственности, участия населения и взаимодействия с иными уровнями публичной власти
Нормативная основа	Основу новой архитектуры составляют Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года
Базовый принцип	Центральным принципом новой модели является включение местного самоуправления в единую систему публичной власти при сохранении его функциональной специфики
Территориальная логика развития	Новая архитектура ориентирована на укрупнение муниципальных образований и формирование более целостных муниципальных границ развития
Стратегическая направленность	Новая архитектура местного самоуправления связывается не только с совершенствованием текущего администрирования, но и с задачами устойчивого пространственного регионального развития

Источник: составлено автором.

предшествующей системы и создаются правовые условия для отказа от обязательного поселенческого уровня там, где он не обеспечивает необходимой управленческой и финансовой эффективности¹.

С пространственной точки зрения это означает переход к укрупненному муниципалитету как базовой единице локального управления. Такой муниципалитет получает возможность концентрировать финансовые ресурсы, кадровый потенциал и стратегические функции, которые ранее были распределены между большим количеством малых поселений². В результате новая архитектура местного самоуправления оказывается тесно связанной с логикой территориальной консолидации и поиском оптимального масштаба управления для решения современных задач развития.

Существенное значение имеет и изменение подхода к полномочиям муниципального уровня. Новый закон вводит трехчастную классификацию полномочий по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, заменяющую прежнее понимание [5]. Эта конструкция демонстрирует большую гибкость в распределении функций между муниципалитетами и субъектами Федерации, но одновременно усили-

вает зависимость муниципального уровня от регионального законодательства и механизмов межуровневой координации.

Новая архитектура местного самоуправления затрагивает также кадрово-политическую основу муниципальной власти [5]. Усиление роли субъектов Федерации в процедурах формирования муниципального руководства, расширение контрольных полномочий регионального уровня, установление единых сроков полномочий выборных лиц и детализация оснований ответственности означают, что местное самоуправление становится частью более интегрированной системы управления территориями [1]. В политико-правовом смысле это повышает управляемость и согласованность публичной власти, но одновременно требует компенсаторных механизмов для сохранения подлинной связи власти с местными сообществами. Таким образом, на основе анализа выделяются ключевые характеристики новой архитектуры местного самоуправления в условиях устойчивого развития регионов, нашедшие отражение в таблице 1.

Особое внимание должно быть уделено модификации форм непосредственной демократии. Новая модель местного самоуправления упрощает формы участия граждан,

¹ Пенизов М. Итоги 2025 для местного самоуправления: Год тектонического сдвига // Закон.ру: первая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/30/itogi_2025_dlya_mestnogo_samoupravleniya_god_tektonicheskogo_sdviga (дата обращения: 15.05.2026).

² Голованова Н. В. Вызовы и возможности. Взгляд НИФИ на реформу местного самоуправления // Бюджет. 2025. № 6 (270). URL: <https://bujet.ru/article/505699.php> (дата обращения: 15.05.2026).

сохраняя местный референдум, муниципальные выборы и сход граждан в ограниченном виде, но сокращая ряд иных инструментов прямого волеизъявления [5]. Это означает, что понятие новой архитектуры местного самоуправления нельзя сводить только к территориальному укрупнению или перераспределению полномочий: оно включает и новую конфигурацию отношений между муниципальной властью и населением.

В условиях пространственного развития Российской Федерации новая архитектура местного самоуправления приобретает особое значение, поскольку именно на муниципальном уровне происходят конкретизация макрополитических приоритетов и их трансформация в решения, затрагивающие жизненную среду населения [1; 5]. Утверждение Стратегии по времени и смыслу совпало с реформой местного самоуправления, поскольку современная пространственная политика требует наличия управленчески состоятельных муниципальных образований, способных выступать проводниками стратегических решений.

Одной из центральных категорий новой пространственной политики в контексте устойчивого развития стала система опорных населенных пунктов [14], вокруг которых уже концентрируется государственная поддержка инфраструктуры для жизни, здравоохранения, образования, транспорта и жилищного строительства территории. Для новой архитектуры местного самоуправления это имеет принципиальное значение, так как опорный населенный пункт в большинстве случаев становится не только территориальным центром развития, но и, в определенной мере, организационным ядром укрупненного муниципального образования.

В пространственном измерении новая архитектура местного самоуправления означает переход от фрагментированных поселений к более целостным муниципальным контурам развития. Исчезает необходимость согласовывать ключевые инфраструктурные и стратегические решения со множеством небольших поселений, не обладающих достаточными ресурсами для самостоятельной реализации своих функций. Вместо этого муниципальный или городской округ может выступать единым субъектом стратегического планирования, связывающим, к примеру, мастер-план опорного центра,

муниципальную стратегию, бюджетную политику и документы территориального планирования [15]. В целом можно выделить несколько направлений влияния новой муниципальной архитектуры на устойчивость регионального развития, представленных в таблице 2.

Важно подчеркнуть, что пространственное развитие России носит крайне неоднородный характер. В одних случаях речь идет о крупнейших агломерациях, где муниципальный уровень встроен в сложные процессы транспортной, жилищной и трудовой интеграции; в других — о малых городах и сельских территориях, нуждающихся в поддержании базовой инфраструктуры и доступности услуг; в третьих — об арктических и приграничных пространствах, где значение имеет не только эффективность, но и постоянное управленческое присутствие государства [16]. Поэтому новая архитектура местного самоуправления должна пониматься как адаптивная пространственная конструкция, допускающая различные режимы муниципальной организации в зависимости от типа территории.

С этой точки зрения принципиально важным является положение о возможности сохранения двухуровневой модели в регионах с особыми историческими, национальными, социально-экономическими или природно-климатическими условиями [5]. Это подтверждает, что новая архитектура не сводится к механической унификации, а предполагает сочетание общего федерального каркаса с регионально обусловленной вариативностью. Следовательно, в условиях пространственного развития России эффективной может быть только такая муниципальная архитектура, которая совмещает единство принципов с разнообразием организационных форм [5].

Обсуждение

Один из наиболее значимых аспектов новой архитектуры местного самоуправления — ее связь с пространственным фактором, то есть с географией, системой расселения и территориальной структурой регионов [17]. Как показывает анализ, модель муниципальной организации не может быть нейтральной по отношению к плотности населения, транспортной связанности, площади территории и характеру расселения. Именно поэтому переход от прежней двухуровневой системы

**Влияние новой архитектуры местного самоуправления
на устойчивость пространственного регионального развития**

Table 2. Impact of the new architecture of local self-government on the sustainability of spatial regional development

Направление влияния	Позитивные эффекты	Потенциальные риски	Условия достижения устойчивости
Территориальная организация	Укрупнение муниципальных образований позволяет формировать более целостные контуры управления и согласовывать стратегические решения в пределах единого муниципального пространства	При несогласованности реформы с реальной системой расселения усиливается разрыв между центром и периферией муниципального образования	Необходима синхронизация границ муниципалитетов, системы расселения и документов пространственного планирования
Инфраструктурное развитие	Муниципальный или городской округ может выступать единым субъектом планирования, связывающим мастер-планы, муниципальную стратегию, бюджетную политику и территориальное планирование	Слабая связь муниципальной архитектуры с опорными населенными пунктами способна снизить результативность инфраструктурной политики	Требуется сопряжение реформы местного самоуправления с системой опорных населенных пунктов и инструментами Стратегии
Экономическая устойчивость	Концентрация финансовых и управленческих ресурсов повышает способность муниципалитетов участвовать в реализации крупных проектов и развитии локальной экономики	Возможна централизация ресурсов в административном центре при ослаблении поддержки периферийных территорий	Нужны механизмы территориального выравнивания и поддержка собственной экономической базы муниципалитетов
Социальная устойчивость	Встроенность в единую систему публичной власти может повысить согласованность решений и качество предоставления услуг населению	Усиление вертикали управления и сокращение части форм непосредственной демократии создают риск ослабления локальной субъектности и участия населения	Необходимы компенсаторные формы локального участия: территориальное общественное самоуправление, инициативные проекты, общественные обсуждения, территориальные подразделения администрации
Пространственная устойчивость региона	Новая архитектура местного самоуправления может стать институциональным каркасом устойчивого пространственного развития, если муниципальный уровень будет встроен в реализацию стратегий, национальных проектов и региональной политики	При доминировании сугубо административной логики реформа может усилить поляризацию и периферизацию малых территорий	Ключевым условием выступает баланс между централизацией и субсидиарностью, а также дифференцированный подход к типам территорий

Источник: составлено автором.

к преимущественно одноуровневой рассматривается не просто как правовая новация, а как форма адаптации муниципального устройства к реальным пространственным условиям страны [5].

Как отмечает Е. М. Бухвальд, новая Стратегия делает акцент на микроуровне территориальной организации и вводит систему опорных населенных пунктов как один из основных инструментов государственной политики, которые рассматриваются как центры концентрации инфраструктурных инвестиций, социальных услуг, транспортной связанности и хозяйственной активности [1]. По сути, формируется новая сеть пространственного развития, в которой муниципальная система все теснее увязывается с логикой опорных центров и функциональных зон.

В таком контексте новая архитектура местного самоуправления может играть

роль институционального каркаса пространственной устойчивости. Если границы муниципальных округов, центры управления и документы стратегического планирования синхронизируются с опорными населенными пунктами и агломерационными связями, то возникает возможность более рационального размещения инфраструктуры и услуг, сокращения управленческих издержек и повышения доступности базовых функций для населения. Однако при отсутствии такой синхронизации укрупнение муниципалитетов может привести к усилению территориального разрыва между административным центром и периферией [1].

Для региональной экономики ключевым является вопрос о том, усиливает ли новая архитектура местного самоуправления экономическую устойчивость территорий. Экономическая основа местного самоуправ-

ления включает муниципальную собственность, бюджетные ресурсы, налоговую базу, межбюджетные трансферты и способность муниципалитета участвовать в проектах развития. В условиях укрупнения муниципальных образований и перехода к одноуровневой модели эти элементы подвергаются глубокой трансформации [1; 5].

Консолидация муниципальных образований объективно расширяет масштабы имущественного и финансового комплекса, которым управляет местная власть. По мнению Е. И. Волковой и Е. А. Хапсироковой, это может способствовать более эффективному использованию инфраструктуры, снижению административных расходов, лучшему управлению коммунальным хозяйством и росту инвестиционной привлекательности территории [4].

Пространственная устойчивость региона невозможна без социальной устойчивости местных сообществ. Именно в этом аспекте новая архитектура местного самоуправления сталкивается с наиболее противоречивыми последствиями. Как подчеркивает Е. В. Кискин, стратегическая линия нового закона ориентирована на повышение операционной эффективности управления, но при этом несет риск ослабления социальной эффективности местного самоуправления, понимаемой как способность консолидировать местное сообщество [5].

К региональной экономике этот аспект имеет непосредственное отношение. Устойчивость территории зависит не только от производственных и инфраструктурных параметров, но и от уровня доверия, локальной идентичности, готовности жителей участвовать в инициативах развития и поддерживать коллективные решения. В случае если муниципальная реформа ведет к увеличению дистанции между населением и органами местной власти, это может снижать уровень вовлеченности граждан, усиливать миграционные установки и подрывать социальный капитал территории [1; 5].

Системное значение новой архитектуры местного самоуправления проявляется в ее способности либо укреплять, либо ослаблять устойчивость пространственного развития на уровне региона. В позитивном сценарии укрупненный и институционально встроен-

ный в единую систему публичной власти муниципалитет становится эффективным проводником пространственной политики: он участвует в мастер-планировании, координирует инфраструктурные проекты, обеспечивает доступность услуг и интегрирует локальные приоритеты в региональную стратегию. Такая модель особенно актуальна для агломераций, опорных населенных пунктов и функционально связанных муниципальных зон.

В этой связи для региональной экономики устойчивость пространственного развития должна рассматриваться как функция институционального баланса. Необходима такая конфигурация муниципальной реформы, при которой одноуровневая модель повышает управляемость и снижает издержки, но не уничтожает механизмов локального представительства и не разрушает социальных оснований территориального воспроизводства. Иначе новая архитектура местного самоуправления будет работать лишь как инструмент административной централизации, но не как фактор устойчивого развития регионов.

При рассмотрении региональных моделей адаптации к новой архитектуре местного самоуправления можно видеть, что, например, Москва и Санкт-Петербург сохраняют специфику городов федерального значения с системой внутригородских муниципальных образований, чьи полномочия ограничены, но встроены в общегородской контур стратегического пространственного планирования¹. Эти случаи демонстрируют, что новая архитектура местного самоуправления может функционировать в условиях высокой урбанизации и сложной агломерационной структуры как элемент координации между локальным представительством и мощным региональным центром управления.

Иной вариант — Республика Татарстан, которая, опираясь на исторические, национальные и сельские традиции, сохранила двухуровневую модель местного самоуправления [8]. Этот пример показывает, что новая архитектура местного самоуправления не равнозначна тотальной ликвидации поселенческого уровня, а допускает дифференцированное институциональное решение в зависимости от особенностей

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023?ysclid=mp58esgf7p807875176> (дата обращения: 15.05.2026).

региона. В то же время высокая степень согласованности стратегических документов в Татарстане подтверждает, что сохранение двухуровневой системы не противоречит задачам пространственного развития при наличии сильной региональной координации¹.

Новосибирская область представляет пример масштабного перехода к одноуровневой модели с длительным адаптационным периодом. Сокращение числа муниципальных образований, создание территориальных органов местной администрации на базе бывших сельсоветов и одновременное сохранение каналов, транслирующих интересы населения, демонстрируют практическую логику новой архитектуры: консолидацию ресурсов при попытке не утратить локальный фундамент власти².

Томская область, находящаяся в стадии обсуждения модели реформы, показывает, что выбор конкретной конфигурации муниципального устройства должен быть увязан с научно-образовательной специализацией региона, расселенческой структурой и задачами агломерационного развития³.

Выводы

Создание новой модели местного самоуправления в России будет способствовать устойчивому развитию регионов только в том случае, если удастся найти оптимальное соотношение между централизованным управлением и принципом субсидиарности, а также между укрупнением муниципальных образований и обеспечением близости власти к гражданам. Новая архитектура местного самоуправления в России не существует в виде единой завершенной схемы; она складывается как совокупность региональных моделей, объединенных общими

федеральными принципами, но различающихся по глубине укрупнения, механизму политической координации и набору компенсаторных институтов участия населения. Именно поэтому научное осмысление данного понятия должно учитывать не только федеральный закон, но и реальную вариативность региональных траекторий реформы.

Формирование новой архитектуры местного самоуправления в Российской Федерации — не только следствие правовой реформы, но и выражение более широкой трансформации пространственной и региональной политики. Закон № 33-ФЗ закрепляет стратегическую линию, основанную на консолидации муниципальных образований, расширении роли субъектов Федерации и повышении управленческой связанности уровней публичной власти. В логике региональной экономики эта линия может рассматриваться как попытка создать более рациональную институциональную основу для устойчивого пространственного развития.

Вместе с тем устойчивость регионального пространства зависит не только от операционной эффективности системы управления, но и от сохранения социальной эффективности местного самоуправления. Если новая архитектура местного самоуправления будет сопровождаться ослаблением местных сообществ, сокращением каналов участия и ростом периферийности малых территорий, ее пространственный эффект окажется противоречивым. Напротив, при сочетании институционального укрупнения с поддержкой локальной субъектности, стратегического планирования и территориальной дифференциации новая муниципальная архитектура способна стать важным фактором устойчивости пространственного регионального развития Российской Федерации.

Список источников

1. Бухвальд Е., Валентик О. Местное самоуправление и новая стратегия пространственного развития // Самоуправление. 2025. № 1. С. 15–19.
2. Баликоева Л. М., Гуссоев И. Г. Местное самоуправление в единой системе публичной власти // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11. С. 149–151. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_11_149

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. // Министерство экономики Республики Татарстан: офиц. сайт. URL: https://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1766090.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

² Лавский В. В Новосибирской области местные советы стали инициаторами муниципальной реформы // Коммерсантъ (Сибирь). 2025. 3 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8250658?ysclid=mp5anpgntk790669584> (дата обращения: 22.05.2026).

³ Лавский В. Перестройка без ускорения. Ряд сибирских регионов решили не спешить с реформой местного самоуправления // Коммерсантъ (Сибирь). 2025. 17 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7800295?ysclid=mp5aq3uq1h277874931> (дата обращения: 20.05.2026).

3. Бухвальд Е. М., Лапаев Д. Н. Муниципальная реформа и муниципальное стратегирование // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 2. С. 7–14. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_7
4. Волкова Е. И., Хапсирокова Е. А. Местное самоуправление в механизме реализации публичной власти // Актуальные проблемы совершенствования системы публичной власти в Российской Федерации: сб. науч. ст. / отв. за вып. С. П. Попова. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 150–154.
5. Кискин Е. В. Новый закон о местном самоуправлении в России: тактика или стратегия (опыт факторного анализа) // Федерализм. 2025. Т. 30. № 1. С. 32–51. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-1-32-51>
6. Бухвальд Е. М. Муниципальная реформа и роль муниципалитетов в пространственном развитии регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2023. № 1. С. 77–86. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-1-77-86>
7. Бухвальд Е. М., Кизиль Е. В. Экономико-правовые проблемы развития межмуниципального сотрудничества // Ученые записки Международного банковского института. 2026. № 1. С. 29–51.
8. Короленко А. В. Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 1. С. 47–75. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.1.123.4>
9. Савинов Л. В., Бауэр А. П. Реформа местного самоуправления: региональные реалии и перспективы // Власть. 2025. Т. 33. № 6. С. 58–67. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-6-58-67>
10. Комлев Е. Ю. Муниципальная реформа 2025 года в России: анализ основных изменений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2025. № 4. С. 6–9. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2025-4-6-9>
11. Ворошилов Н. В. Предпосылки и перспективы реформирования местного самоуправления в России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 4. С. 53–75. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-4-53-75>
12. Ворошилов Н. В. Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 170–188. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.9>
13. Упоров И. В., Гришай Е. В., Попов М. Ю. Местное самоуправление в России на пороге перемен: к законопроекту есть вопросы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 123–127. <https://doi.org/10.23672/19839-9944-7312-d>
14. Евлампиева Е. В. Система опорных населенных пунктов как основа пространственного развития Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2025. № 2. С. 66–73. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2025-2-66-73>
15. Болдырев О. Ю. Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 65–70. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-65-70>
16. Широков А. Н., Юркова С. Н. МСУ: большая реформа или упразднение? // Бюджет. 2022. № 1. С. 70–74. URL: <https://bujet.ru/article/434723.php> (дата обращения: 17.07.2026).
17. Домнина И. Н. Геостратегические территории в стратегических планах трансформации пространственной модели российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 65–80. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_65_80

References

1. Bukhvald E., Valentik O. Local self-government and a new strategy of spatial development. *Samoupravlenie*. 2025;(1):15-19. (In Russ.).
2. Balikoeva L.M., Gussoev I.G. Local self-government in a unified system of public authority. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2023;(11):149-151. (In Russ.). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_11_149
3. Bukhvald E.M., Lapaev D.N. Municipal reform and municipal strategizing. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2023;(2):7-14. (In Russ.). https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_7
4. Volkova E.I., Khapsirokova E.A. Local self-government in the mechanism of public authority implementation. In: Popova S.P., ed. Current issues of improving the public authority system in the Russian Federation: Coll. sci. pap. Moscow: Russian State University of Justice; 2024:150-154. (In Russ.).
5. Kiskin E.V. Russia's new local governance law: Tactics or strategy (a factor analysis approach). *Federalizm = Federalism*. 2025;30(1):32-51. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-1-32-51>
6. Bukhvald E.M. Municipal reform and the role of municipalities in the spatial development of regions. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economy of the*

- North-West: Issues and Prospects of Development*. 2023;(1):77-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-1-77-86>
7. Bukhvald E.M., Kizil E.V. Economic and legal problems in the development of intermunicipal cooperation. *Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta = Scientific Notes. International Banking Institute*. 2026;(1):29-51. (In Russ.).
 8. Korolenko A.V. Spatial transformations of Russia's territories: Trends and regional differences in resettlement. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2023;27(1):47-75. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.1.123.4>
 9. Savinov L.V., Bauer A.P. Local government reform: Regional realities and prospects. *Vlast' = The Authority*. 2025;33(6):58-67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-6-58-67>
 10. Komlev E.Yu. The 2025 municipal reform in Russia: An analysis of key changes. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: Legal Issues*. 2025;(4): 6-9. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2025-4-6-9>
 11. Voroshilov N.V. Prerequisites and prospects for the reform of local self-government in Russia. *Federalizm = Federalism*. 2023;28(4):53-75. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-4-53-75>
 12. Voroshilov N.V. Development of the institution of local self-government in Russia: Problems and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(5):170-188. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.9> (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2022;15(5):170-188. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.9>).
 13. Uporov I.V., Grishay E.V., Popov M.Yu. Local government in Russia on the threshold of change: There are questions to the draft law. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2022;(1): 123-127. (In Russ.). <https://doi.org/10.23672/19839-9944-7312-d>
 14. Evlampieva E.V. System of key settlements as a basis for spatial development of the Russian Federation. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment = Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*. 2025;(2):66-73. (In Russ.). <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2025-2-66-73>
 15. Boldyrev O.Yu. The draft of a new law on local self-government without self-government. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2022;(2): 65-70. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-65-70>
 16. Shirokov A.N., Yurkova S.N. Local government: Major reform or abolition? *Byudzhnet*. 2022;(1):70-74. URL: <https://bujet.ru/article/434723.php> (accessed on 17.07.2026). (In Russ.).
 17. Domnina I.N. Geostrategic territories in strategic plans for spatial transformation of the Russian economy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(5):65-80. (In Russ.). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_65_80

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Евлампиева

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления экономического
факультета

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10

SPIN-код: 6827-0777

Поступила в редакцию 02.06.2026
Прошла рецензирование 30.06.2026
Подписана в печать 29.07.2026

Information about the author

Ekaterina V. Evlampieva

PhD in Political Science, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Public
and Municipal Administration, Faculty
of Economics

Pushkin Leningrad State University

10 Peterburgskoye highway, Puskin,
St. Petersburg 196605, Russia

SPIN: 6827-0777

Received 02.06.2026
Revised 30.06.2026
Accepted 29.07.2026

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.